

В КАЖДОЙ ИСТОРИИ ЕСТЬ ВТОРОЕ ДНО

Информации мало не бывает, или 0 том, почему любую тему надо копать до седьмой воды — пока ты сам для себя не увидишь чистую и ясную картинку того, о чём собираешься рассказать читателю

Татьяна Тельпис, редактор расследовательно-аналитического направления газеты «МОЁ!», Воронеж

Честно скажу: когда у меня спрашивают что-то вроде «ой, а как ты работала над темой?», я напрягаюсь. Для меня работа — процесс интимный. Верю только тому, что лично вижу и слышу. Все — через себя насквозь: через — глаза, через — уши, через — сердце, через — мозг, через — каждый — нерв. Каждая расследовательская история — это страсть, азарт, отдельный акт интеллектуальной игры: минимум исходных данных — поиск решения/истины на адреналине. И торжество охотника на финише. А охота любит тишину. Я сейчас именно о журналистских расследованиях. Вторая профессиональная делянка — «добрая», очерковая — отдушина, переключение мозга и необходимый отдых. Больше двух расследований подряд — это тяжело физически. Хотя такие темы — светлые, о Человеке — нежно люблю. И это отдельная вселенная. Труд оголенным спинным мозгом, выматывающий эмоционально и психологически, поддающийся порой сложнее самого жесткого аферного клубка.

Вот одна из — история Надежды Николаевны Кудиновой. Женщины, потерявшей на СВО единственного сына, но научившейся жить ради десятков чужих сыновей — Надежда Николаевна стала вязать для ребят на передовой носочки и сувениры. Трагедия матери, в которой трагедия страны. Но давайте о расследованиях. Кто-то рассмеется мне в лицо — мол, нет никакой вашей расследовательской журналистики, потому что нет у нас «независимости» и «свободы слова», но давайте определимся, что такое эта ваша «свобода». Если безбашенная вседозволенность — согласна: тут кандалы со всех сторон — Уголовный кодекс ключики затянет быстро. Однако, на мой взгляд, быть действительно свободным в своих словах — значит осознавать их необходимость. Кто-то из великих говорил об этом, да: свобода есть осознанная необходимость. Любое сказанное слово должно быть осознанным, необходимым, и лишь тогда оно достигнет конечной цели — стать действенным и со-

зидательным. И тут, на самом деле, становится куда проще, и границы раздвигаются. Не собираюсь читать морали. Но раз спросили — как работаешь над материалами — колюсь и делюсь. В школе, кстати, я была больна геометрией. Процесс поиска верного решения и дока-

зательств — физическое наслаждение. И если бы не журналистом...

Я бы в любом случае стала журналистом и именно журналистом-расследователем, потому что твердо стою на своем: слово — это не только дело, но и инструмент справедливости и правосудия.

Итак, первое: тема скрывается в мелочах. Любой звонок или письмо в редакцию, унылый безликий пресс-релиз может скрывать впечатляющее закулисье. Главное мерило — социальная значимость. Она, кстати, не всегда совпадает с общественным интересом.

Журналистское расследование в России в целом и в регионах особенно — пока штучный товар, для массового читателя не привычный, сложный и вообще «много букв». Поэтому наша задача в том числе — аудиторию

воспитывать, формировать ее вкус и заточивать на вовлеченность в социальные процессы. История о приобретении странного оборудования в Воронежский областной онкологический диспансер (цена вопроса — 45 миллионов казенных рублей) развилась после обращения ко мне питерской фирмы, посчитавшей, что подобная закупка нарушает свободу конкуренции, потому что невозможна в принципе.

Как объясняли питерцы, ее предмет якобы содержит несовместимые вещи: аппарат лучевой терапии и к нему — систему отслеживания положения пациента в аппарате с помощью видеоизображений, которая именно для этой модели ускорителя не подходит.

С этой питерской фирмой я общалась раньше, когда писала о другой некрасивой истории в воронежском онкодиспансере —

это, кстати, к вопросу о наращивании личных контактов. Так вот, говорили питерцы, и ускоритель хорош, и система отслеживания замечательная.

Но — разработана она под ускорители другого типа, а в том, который купил ваш диспансер — бесполезна: видеокamеры в нем

будут расположены так, что пациента «не увидят».

Даже беглого чтения инструкции к этой системе в интернете и взгляда на фото купленного облучателя хватило, чтобы понять: доводы питерцев не лишены здравого смысла...

А вот тема с новой программой капитального ремонта, которую в областном правительстве тихой сапой приняли в конце 2022 года — отбросив тысячам воронежцев сроки этого ремонта на десятилетия вперед, кого-то на ближайшие 30 лет оставив без надежды на него вовсе.

Чиновники постфактум преподнесли все под соусом благих начинаний и заботой о населении: теперь, дескать, программа выстроена с учетом фактического износа многоэтажек, и в первую очередь будут ремонтироваться самые бедственные.

Но в интернете поднялся народный бунт. Воронежцы строчили

жалобы в группах правительства области и регионального Фонда капремонта в ВКонтакте, писали в Общероссийский народный фронт, который подхватил волну негодования и обратился в Следственный комитет. В СКР организовали проверку. Мы — не становясь загодя «ЗА» или «ПРОТИВ» — решили разобраться, в чем суть программы, как ее принимали: может, там правда все для блага граждан, просто надо гражданам это разъяснить...

Оказалось, не для блага, с нарушениями закона, и у граждан есть полное право подать на чиновников облправительства в суд.

Второй принцип. Не делать конечных установок. Знаю некоторых коллег, которые заранее держат в голове красивую картинку будущего материала и подбирают фактуру и подстраи-

вают ее под свой шаблон. Или — принимают на веру то, что написали другие, и дальше — вширь и глубь — не копают, не ищут поворотов.

Это не журналистика. Наша цель — не тупо облить власть или встать горой за народные чаяния, не сочинить рейтинговое чтиво — как бы порой этого ни хотелось в угоду как раз «общественному интересу/запросу». Наша цель — разобраться. И вскрыть то, что скрыто: как, почему, для чего, как должно быть, что делать, кто заблуждается, кто врет, а кто, возможно, ворует.

Я никогда не знаю, куда меня в итоге выведет очередная тема. Это всегда новые приключения и новые открытия. Моя любимая фраза: «В каждой истории есть второе дно». Пробить его — до чистых родников — надо. Недавний пример. В Воронеже лопнула очередная финансовая

пирамида — называется «Соцкомвклад». Классика — маскировались под потребительский кооператив, обещая высоченные ставки, люди несли туда миллионы, а в одно прекрасное утро клиенты уперлись в закрытую дверь. Организаторы сбежали с чемоданами их денег.

Сначала мы думали ограничиться расширенной новостью — собственно, сообщить, что случилось, и дать советы юриста — как вернуть свои вложения. Потому что о таких историях писано-переписано.

Но я все же стала искать бывших клиентов и предпринимателей, сдававшим аферистам помещения. Ездил по офисам (а их было больше десятка по городу, размах колоссальный). Естественно, там закрыто.

Оставляла свой номер телефона продавцам в соседних магазинах (мол, давайте клиентам «Соцкомвклада», которые к вам заглянут), переписывала номера с растяжек «Аренда».

И мне позвонил один из арендодателей: после побега лохотронщиков он разобрал их завалы и нашел любопытнейшие бумаги. Инструкции, которыми муштровали менеджеров, как дурить народ, и данные о суммах вложений. И главный перл — копия некоего постановления полиции о производстве обыска.

Срываюсь к предпринимателю, возвращаюсь в редакцию с мешком макулатуры, начинаю читать. А там — феерия. Выясняю: еще год назад возбуждалось уголовное дело о мошенничестве в крупном размере, но какие-то темные силы помешали следст-

вию довести его до логического завершения. По тексту постановления вышло, что дело возбудили с подачи прокуратуры — после жалобы одного из клиентов. Перед этим я успела пробить контору через Центробанк: ее не

было в реестре потребительских кооперативов регулятора, зато она уже ДВА года как значилась в его списке финансовых организаций с признаками нелегальной деятельности, и ЦБ сообщал об этом и в МВД, и в Прокуратуру, и в УФАС.

То есть, финансовая пирамида два года обирала людей на глазах у правоохранителей и анти-монопольщиков.

После выхода нашего журналистского расследования полиция объявила организатора «Соцкомвклада» в федеральный розыск. Уголовное дело расследуют. Советы людям, что делать, чтобы получить шанс вернуть деньги, мы, конечно, тоже дали.

Третье. Информации мало не бывает.

Берем ее отовсюду, куда можно дотянуться. Отделять зерна от плевел — это потом. Только так можно сложить полную и четкую картинку того, о чем пишешь — и понять для себя самого в первую очередь. Если не разберешься сам — читатель тоже не поймет.

Первый и главный источник информации, конечно, люди (я сейчас не об экспертах, а именно о героях). Хотя в случае с журналистским расследованием бывают исключения.

Например, я писала о долготрое футбольного манежа в одном из микрорайонов города, и там в основе лежал исключительно анализ — документов, открытых баз проверки контрагентов, системы Госзакупок.

Но чаще отправка точка — живая человеческая история, потому что это якорь для читателя: человек существо сопереживающее.

Порой достаточно одной стержневой истории, иногда — чем больше, тем лучше. В случае с новой программой капремонта — я лично побывала в трех многоэтажках, где он переехал поч-

ти на 20 лет вперед (думаю, не надо о том, что именно личное общение с героем, выезд на место — наше все?).

Плюс — поговорила, наверное, с десятком человек, которых нашла через соцсети. Плюс — читатели, писавшие нам на сайт и звонившие в редакцию. Ясно, что при таком масштабе невозможно (и не к чему) подробно расписывать в материале каждый случай, но — даже упомянуть коротко крайне важно.

Это покажет массовость проблемы. Подчеркнет ее социальную остроту. И плюс — вызовет доверие к изданию и к вам лично: человек пришел со своей бедой — и вы выслушали и озвучили. Важно: с людьми надо быть искренними. Я всегда даю героям (да и экспертам тоже) свой мобильный со словами, что мне можно звонить в любое время суток. Если могу что-то посоветовать за рамками материала — советую.

Могу помочь — например, позвонить в сельсовет и попросить главу привезти дрова 100-летней ветерану Великой Отечественной войны — звоню.

Глава вздыхает, что в деревенском бюджете нет денег и вообще «нецелевое использование».

Но невозможное становится возможным, если захотеть и поработать — сельсовет дрова ветерану привозит.

Матери погибшего бойца, которая вяжет носки для СВО, редакция «МОЁ!» собрала 21 тысячу рублей на пряжу — мы бросили клич в интернете среди читателей, и многие живо откликнулись.

Люди должны вам верить. Чувствовать, что их проблема для вас важна так же, как для них самих. А для этого в первую очередь журналист должен быть честен с собой.

Поэтому еще один из моих базовых принципов работы — полное погружение в тему. Безоговорочное. Засыпать с ней, просыпаться (иногда озарения случаются во сне), прокручивать в голове всегда и везде, пока над ней работаешь.

***

Ключевой источник информации — документы. Много документов. На каждое — слово — должна быть — бумажка.

Обожаю читать тома уголовных дел, обвинительных заключений, экспертиз, законы, постановления, приказы, талмуды в системе госзакупок, лопатить базы проверки контрагентов, распутывая связи.

Отдельное удовольствие — сервисы проверки автомобильных номеров, полисов ОСАГО (открытые и легальные), сервисы ГИБДД, судебных приставов, база Росреестра, единый реестр проверок Генпрокуратуры, реестры лицензий разных ведомств и т.д. и т.п. Везде надо смотреть, искать, сопоставлять, анализировать.

Я всегда прошу людей присылать мне все документы по теме, которые есть у них — их обращения и жалобы к чиновникам и в правоохранительные органы, ответы оттуда, результаты экспертиз и прочее. Даже если на первый взгляд они не особо нужны. По новой программе ка-

ремонта, например, у меня стопка заключений техобследований разных многоэтажек. На основании такого техобследования, как говорили в нашем областном правительстве, и принималась эта программа — оно, дескать, было «тщательным», проводили его специализированные организации.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что «тщательное техобследование», похоже, сводилось к простому фотографированию дырявых труб, на которое «специализированные организации» тратили минут по 10–15, однако ж, получили за него миллионы рублей — причем, ФКР взял их из взносов, заплаченных жителями. То есть, деньги людей за капремонт потратили на то, чтобы оставить их без капремонта.

Необходимость запросов в официальные органы опускаю — это очевидно. Они должны быть. И даже если ответы приходят беззубые или не приходят вовсе — об этом надо писать. Ответы публиковать дословно.

Во-первых, чтобы вас потом не упрекнули в искажении. Во-вторых, чтобы подчеркнуть их живописную глупость.

Кстати, по капремонту же. Простой запрос в областную прокуратуру дал еще одно основание усомниться в объективности новой программы: прокуроры подтвердили, что при проверках находили нарушения в ее принятии, вносили представления чиновникам.

И обязательное упражнение: проговаривать имена, фамилии, отчества, должности тех, чьи

подписи стоят в документах, на которые ссылаемся. Страна должна знать героев.

***

Самая же ценная информация — из первоисточника. Где бы он ни был, потому что там — наши бриллианты. С оборудованием для онкодиспансера за 45 миллионов рублей я просто написала напрямую в фирму-разработчик той самой спорной системы отслеживания пациента. В Великобританию (спасибо Яндекс-переводчику). И мне ответили. Подтвердив, что эти камеры разработаны для линейных ускорителей другой модели, а не той, что купил Воронеж. В 2019-м году в том же нашем онкодиспансере контрабандный облучатель во время сеанса вышел из строя, насмерть раздавив лежавшую на нем женщину. Аппарат не был зарегистрирован в России, напрямую угро-

жал жизням пациентов. Однако в 2005 его приобрели воронежские чиновники от медицины, и 14 лет неопознанный агрегат якобы «лечил» людей. Тогда распутать паутину аферы с его закупкой мне помогли, в том числе, чехи — фирма, в свое время легально производившая и продававшая такие облучатели.

Четвертое. Работать на результат.

Хотя тут двоякий момент. Здорово, когда своим журналистским словом удастся переломить систему и заставить ее работать так, как надо.

Пример с финансовой пирамидой я приводила. По новой программе капитального ремонта — мы тоже добились пусть пока маленьких, но побед.

Материал давали в трех частях и продвигали максимально.

Первую и третью делали основным анонсом на обложке, вторую — дополнительным. Мате-

риалы объемные. Поэтому в бумагу разворотом шел сокращенный вариант — с отсылкой на полный текст в цифровой версии газеты «МОЁ! Плюс».

Там платная подписка — этаким виртуальный магазин, хотя номер стоит дешевле, чем в обычном киоске, и есть возможность «купить» отдельный материал. На наш сайт мое-online.ru — в открытый доступ — такие социальные темы мы тоже дублируем. Плюс — соцсети и Telegram. В первой части — о том, как принимали программу (многие документы наштамповали задним числом), и масштаб катастрофы — душевные репортажи из дырявых рассыпающихся многоэтажек.

Во второй — сомнительная схема «техобследования фотоаппаратом» за деньги жителей.

В третьей — объяснения юриста, как люди могут добиться переноса сроков капремонта на более ранний: подавать в суд административный иск к правительству региона.

И народ, прочитав и вникнув, пошел в суд. Уже есть выигранные иски (как раз готовлю материал в продолжение темы).

А недавно я общалась — неофициально — с человеком из регионального Управления СКР.

Там, напомним, на волне скандала начали проверки. И улыбнулась, услышав такую фразу:

«Мы ведь не по отдельному адресу проверяем, а делаем как ты — оцениваем всю программу капремонта в целом».

Еще пример. К нам обратилась мама семилетней Ульяны, стра-

дающей тяжелой формой эпилепсии. Чиновники областного департамента здравоохранения упорно отказывались покупать девочке за счет бюджета импортное лекарство «Осполот» — единственное, на котором удалось достигнуть длительной ремиссии — потому что оно не зарегистрировано в России.

Целый год обманывали мать, якобы им закон не позволяет: они-де не имеют полномочий — это все только федеральная специализированная клиника.

Однако я выяснила: другие регионы спокойно покупают эти таблетки, спасая больных детей, и закон им не мешает.

Почитала законодательство, поговорила с родителями из других регионов, с поставщиками незарегистрированных препаратов (которые доставляют их в Россию по госзаказам), с юристом благотворительного фонда, изучила памятки для родителей на сайте специализированного федерального медучреждения, сделала запрос в Минздрав.

И подтвердилось: отправная точка в спасении детей — регион. Именно там, в больнице, где наблюдается ребенок, изначально должны РЕКОМЕНДОВАТЬ незарегистрированный препарат, направить федералам нужные документы — и там его назначают заключением консилиума, принимают решение о необходимости разрешить ввоз в Россию (выдает Минздрав), но это уже технические моменты.

Вышла серия публикаций. Результат: мы добились того, что воронежский департамент здра-

воохранения организовал закупку «Осполота» для Ульяны.

Но. Даже если система не переломится — журналист должен обнажать и вскрывать ее нарывы. Общество имеет право знать, видеть и осмысливать.

И напоследок. Не бояться выражать свою позицию.

Я за авторскую журналистику, все материалы пишу от первого лица, и никто меня не переубедит, что в таком случае не может быть объективности.

В основе журналистики — факты, а мнение автора — их сопровождение, контакт с аудиторией, вызов на дискуссию. Это одно. Второе — в материале стоит моя фамилия. И я лично отвечаю и за содержание, и за судьбы своих героев.

«Ты не боишься?» — один из вопросов, который мне часто задают. «Чего?» — спрашиваю в ответ. Бояться должна не я. Второй вопрос: «Тебе угрожали?» Приходили как-то в редакцию двое. Выселители — отбирали у людей квартиры и дома под предлогом микрозаймов, делая их бомжами и ломая судьбы, обманутые семьи годами не могли добиться от полиции уголовного дела.

У нас вышел сериал. Оскорбленные в своих чувствах граждане-«честные кредиторы» грозили «засудить» меня и редакцию. Результат: один получил срок за мошенничество, второй — на очереди.

&